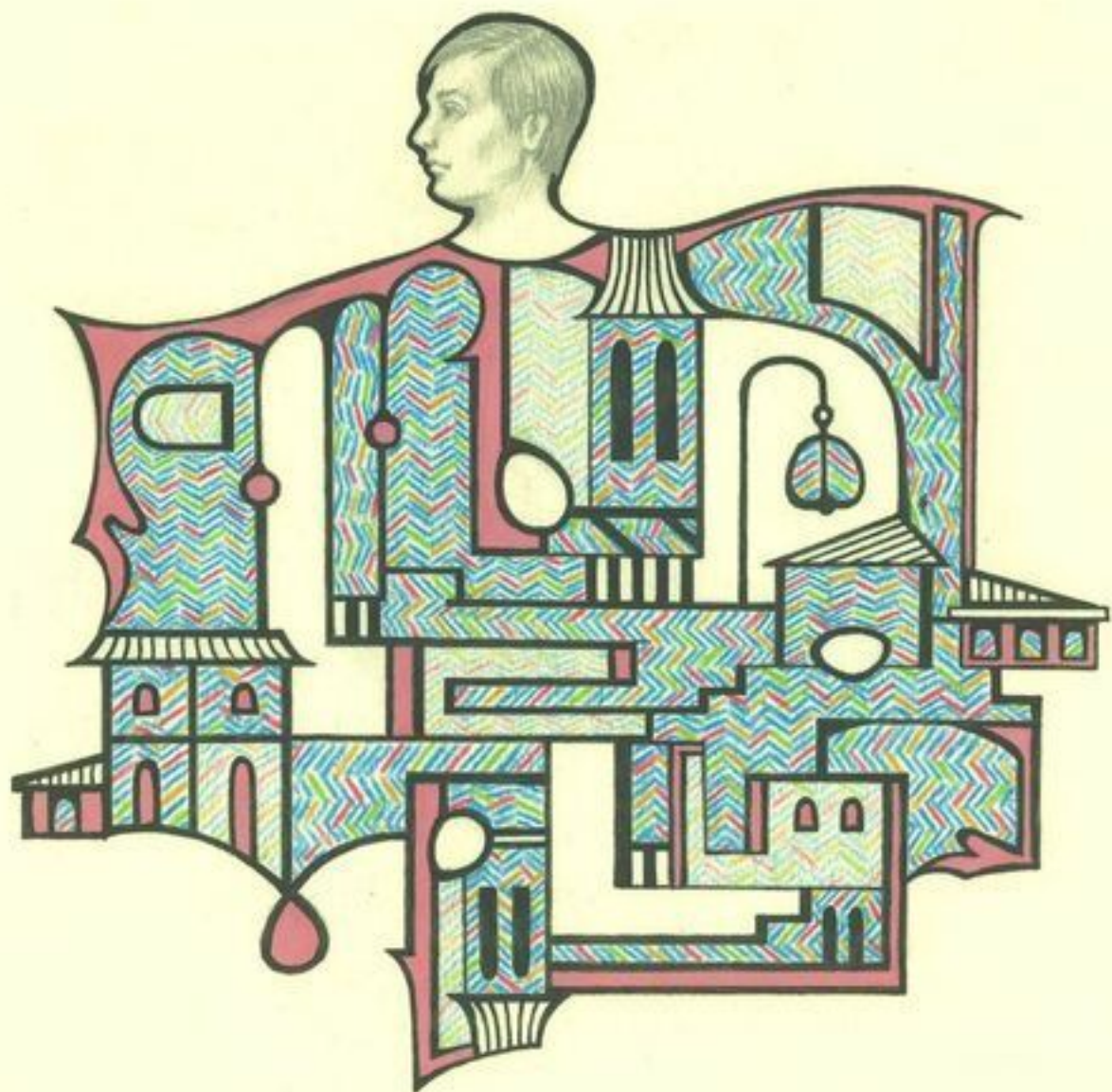

ЛЕНИ ФИЧ

СНЫ ЭРРЫ

Лени Фич
Сны Эрры

«Издательские решения»

Фич Л.

Сны Эрры / Л. Фич — «Издательские решения»,

В сборник эссе вошли произведения автора: «Сны Эрры» — размышление на тему поиска путей развития личности человека, «Пушинки слов» — первая проба в жанре поэтической лирики и «Молчаливые диалоги» — короткие зарисовки для короткометражных фильмов, этюдов.

© Фич Л.

© Издательские решения

Содержание

Сны Эрры	6
Сон первый	6
Сон второй	15
Сон третий «Гора Мэру»	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сны Эрры Лени Фич

© Лени Фич, 2016

Художник Наталья Меркульева

Корректор Мария Козлова

Интернет-макет Лени Фич

Поэзия Павел Иванов

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сны Эрры Эзотерическое эссе

Посвящается Люсиль Шабатэ

Сон первый «Принцесса замка Грез»

День был как день, ничего особенного, все как обычно. Ну как еще сказать, что все это скорее напоминало жесткое, никогда не изменяемое расписание времени работы банка: от и до, суббота и воскресенье – выходные. Вот так и было как всегда. Эрра вздохнул. Хоть бы кто-нибудь позвонил или написал по мэйлу, скайпу или стукнул в дверь. А впрочем, чтобы кто-то звякнул или стукнул, надо чтобы этот кто-то знал о твоём существовании и хотел стучаться, чтобы не нарваться на вечное: «Старик, я занят сегодня... Не-а, в паб не пойду, дел много, надо доделать макет к завтрашнему показу. Сори, да, да, может, завтра, вернее, нет, на выходных, ну... да..., да...»

Фу, жеваная, пережеванная жвачка из слов, обыденность реального дня в душевной комнате. Что сказать еще? Ужин из коробок, посуда в мойке, компьютер на столе и подушка на диван..

На диване как-то сразу улучшилось настроение, может быть положение тела в горизонтальной плоскости располагает на легкое думание более, чем мысли на бегу или при сидении за столом, причем неважно, с какой пищей натуральной или виртуальной. Все это давно стало неважно, и Эрра растянулся на диване лицом к двери. Он сосредоточил внимание на подвеске над входной дверью. Знаете, последнее время стало модно вешать всякие колокольчики ветра по учению фен-шуй для улучшения жизни.

Эрра не знал ни от чего, ни для чего, но что-то там яркого желто-золотого цвета на ниточках с пушинками болталось у двери. Эрра разглядывал подвеску и думал о бредовости своего существования: работа – дом – работа – паб – дом. В одно и то же время из года в год встречаемся с друзьями в одних и тех же местах, говорим об одном и том же. Привычки друг друга уже изучены до мельчайших нюансов так, что ты знаешь заранее, что и от кого из них можно ожидать в будни и на праздники. Новизна остается только в исполнении разных проектов на работе, но и там начинаешь понимать постепенно, что все равно идешь по линии наименьшего сопротивления и борьбы, соглашаясь с руководством, а на пятки уже начинают наступать молодые и рьяные сотрудники со своими идеями. Кризис среднего возраста, что ли, подкрался незаметно и раньше срока? А вот как хорошо этой пушинке колыхаться на ветру. Никого не касается твоё существование, а рассыпался в прах, так никто и не заметил потери.

Ниточки, пушинки... Пушинки, нити, крючок... замочек...

Веки отяжелели, и закрылись глаза. Сразу легла спасительная темнота и забытие, только пушинка все еще летала с обрывком нити перед глазами...

Почему нить оборвалась? Ее же надо привязать! Эрра ухватил обрывок и потянул к себе, нить поддалась и стала раскручиваться в его руке, как будто где-то вдалеке была катушка, на которую она была намотана.

«Надо ее привязать!», – мелькала мысль в голове у Эрра, и он еще раз ее дернул. Нить заискрилась, извиваясь у него в руке, но оборванный конец не появился. Зато показался просвет за коридором в темноте. Эрра сделал шаг в сторону света и оказался в лесу. Знаете, в таком лесу, где за кроной не видно неба, а под ногами только сухие листья и они таинственно шуршат. Идешь по такому лиственному ковру, посторонних звуков нет, полутьма и только шорох

под ногами, но в этом лесу не было хруста, только в звенящей тишине листья шелестели как-то особенно приятно и по-детски сказочно.

Нить все еще была в руке Эрры и не провисала. Он двинулся вперед по ней, как сразу же перед ним возникла каменная городская стена. Странно, но света все еще не было, вокруг лежала полутьма.

«Сумерки», – подумал Эрра и протянул руку, чтобы дотронуться до стены. В зажатом кулаке сверкнула золотом нить, и уже в следующую секунду он стоял на мостовой старинной улочки.

Улица была как из средневекового города в Европе: каменная мостовая, латунные ручки на дощатых дверях, мрачно и серо, почему-то нет цветов и всё в одинаковом сером цвете. Как в черно-белом кино, только нить в руках блестит ярким солнечным светом. Да вот же и площадь с фонтаном у ратуши с часами на башне! Что не так? Людей нет.

В следующую секунду вся площадь уже была заполнена людьми, но они не смотрели и не разговаривали ни между собой, ни с Эррой. Каждый был сам по себе и сам за себя. Эрра, затаив дыхание, разглядывал все вокруг. Странно, вот явно компания сидит за столом, вот и еда, и напитки, и они о чем-то друг другу что-то говорят, но все как в немом кино: говорят, но без слов, смотрят, но не видят. «Странные какие-то», – подумал Эрра и присмотрелся внимательнее. Да они спят – сидя, стоя, они спят. Надо идти дальше, и в этом мгновение нить, что он держал в руке, натянулась и удлинилась опять. Эрра ощутил это движение и посмотрел на свой кулак. Поднял глаза и увидел, что стоит на лестнице.

«Наверное, это башня ратуши, вниз идти глупо, я там был. Значит, наверх», – Эрра только подумал, как уже стоял в коридоре, который весь был забит старой мебелью. С трудом протискиваясь вдоль столов, шкафов, стульев, кресел всех времен и народов, он наконец-то оказался в более свободной части коридора, как ощутил под ногами хлюпающую липкую грязь. Ноги начали увязать, грязь чавкать. Эрра с трудом удерживал равновесие, и легкий страх пробежал по его спине холодком. Взмахивая руками, он пытался выбраться из топи, и перед ним возникла дверь с красивой витиеватой латунной ручкой, такой надежной и спасительной. Эрра схватился за дверную ручку.

В следующую секунду Эрра оказался в другом месте. Он огляделся, из полумрака комнаты стали прорисовываться фигуры стоящих и сидящих людей в красивых одеждах. Комната оказалась тронным залом с огромной люстрой и вся была залита светом. Стены были увешаны портретами и знаменами. Все присутствующие в ней спали, даже король на троне. Они спали, причем их явно застали врасплох, кто где и что делал, там и заснул.

«Ну, прямо как в „Спящей красавице“, – подумал Эрра. – Где-то должна быть она, принцесса».

И в это мгновение он ее увидел. Да, она была красавица. Явная глупость думать, что могло быть по-другому. Она сидела у окна и вязала на спицах. Она единственная шевелилась и не спала. Эрра замер, затаив дыхание, смотрел, как красиво двигались ее руки, какой у нее был прекрасный профиль, какого цвета были ее щеки. А глаза? Интересно, какого цвета ее глаза? Как только эта мысль появилась в его голове, красавица начала медленно поворачивать голову в сторону Эрры. Он перестал дышать, только все сильнее сжимал нить в кулаке.

Ее глаза были бездонные и зеленые, ее красивое лицо обрамляли рыже-золотистые волосы. Когда их взгляды встретились, у нее на лице отразилось такое изумление, что на мгновение она перестала вязать...

И всё вокруг зашевелилось, и люди зашевелились, и комната зашевелилась и всё пространство, даже колонны и стены вокруг Эрры. Замер только он: стоял и боялся испугнуть эту нечаянную красоту, этот восторг, что переполнял его душу.

Эрра не отрывал глаз от лица девушки – а жаль, иначе бы он заметил, что в комнате шевелиться всё и вся, кроме него и красавицы.

Она испустила короткий выдох, опустила глаза и продолжила вязать. В комнате все затихло. Эрра почувствовал, как нить натянулась и завибрировала, он все еще держал ее в руке, и только тут он заметил у ног красавицы клубок из нити такого же цвета, как и та, что была у него в руке. Струящиеся локоны красавицы спускались ниже спины по платью до пола и переплетались с золотой пряжей.

«Что же это? Зачем я тут?», – подумал Эрра.

Красавица опять подняла на него глаза, как будто услышала его вопрос. Глаза встретились, на какую-то секунду она перестала вязать, и сразу пространство наполнилось звуками, а в комнате опять всё зашевелилось. Красавица вздрогнула и стала продевать петли одну в другую.

– Кто ты? – спросила она, не поднимая глаз от своего вязания.

– Эрра.

– Зачем ты тут?

– Не знаю.

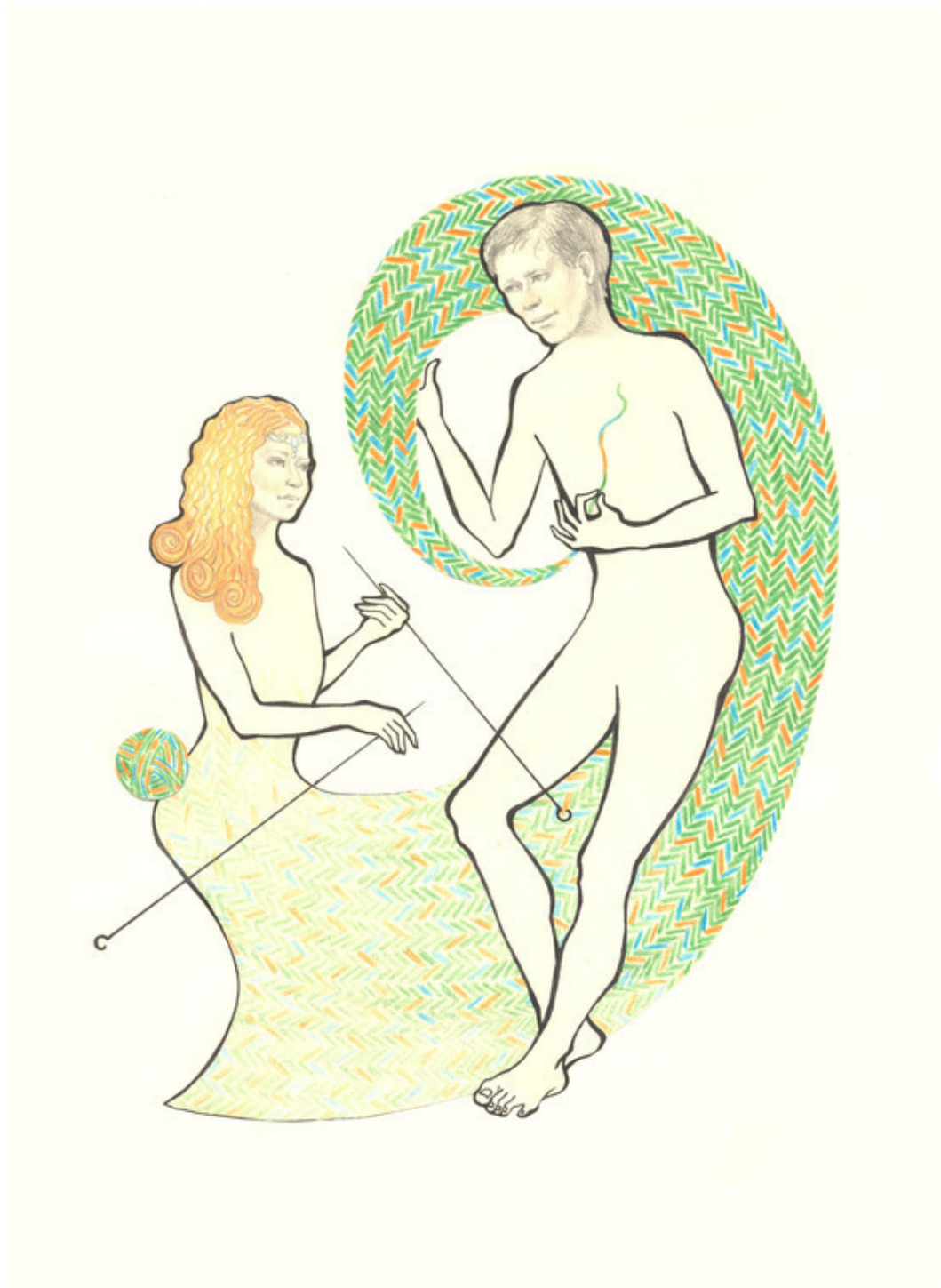
– Тогда уходи.

Эрра замер, она была так прекрасна, что взять вот так и просто уйти. Глупо, как взять и отдать любимую игрушку чужому дяде только потому, что кто-то другой тебе сказал так сделать. Все нутро его сопротивлялось.

«Что сделать? Как возобновить разговор? – Эрра заметался.– Нить...»

– Не могу, нас связывает эта нить.

Она ахнула и опять подняла глаза на него, правда, вязать не перестала, только замедлила темп. Затем снова опустила глаза на свое рукоделие.

– Откуда она у тебя?

– Она со мной всегда. Да, она моя, и была со мной всегда, – смело соврал Эрра, нажимая на слово «всегда».

– Тогда почему ты не с ними?

– С кем?

– Со всеми, кто не здесь.

– Я не знаю.

Красавица снова оторвала глаза от вязанья и посмотрела на Эрра. Вокруг Эрры произошло легкое шевеление.

«Странно, когда она вяжет все вокруг замирает и спит, а когда перестает, всё шевелится», – подумал Эрра.

– Вот и мне странно, что ты здесь и не спишь, – сказала, как будто отвечая на фразу Эрры, красавица, но он не говорил ничего вслух.

«Она что, умеет читать мысли?» – мелькнуло в голове у Эрры.

– Для того чтобы разговаривать, необязательно говорить вслух, – ответила красавица.

– Ты можешь читать мои мысли?

– И ты можешь, раз нить у тебя в руках. Почему же ты этого не делаешь?

– Если мы будем молчать, то я не услышу твой красивый голос, – сделал комплимент с надеждой в голосе Эрра.

Красавица подняла голову и улыбнулась. В тот же миг теплая и ласковая волна накатила на Эрру, как в детстве на море.

«Боже, да что же со мной такое? Какие приятные чувства», – подумал Эрра.

Он стоял и, как дурачок, улыбался в ответ на ее улыбку. Вернее сказать, как блаженный. Ему сразу же захотелось положить весь мир к ногам красавицы и сказать: «Будь моей». Вот так сразу и весь мир. Никогда ранее Эрра и представить не мог, что способен на такие чувства и на такие выходки. Он обычно был очень разборчивый в людях и осторожный по жизни, он не привел бы к себе в гости человека, с которым только что познакомился. Его дом – это точно его крепость, поэтому право на посещение еще надо было бы заслужить. Хотя, конечно, такое возможно в принципе, но чтобы сразу и навсегда захотеть предложить другому человеку войти в его мир и остаться, вот это было удивительное новое состояние.

– Это твой дом? – спросил Эрра и сам понял, что сморозил глупость.

– Этот замок принадлежит всем, но сидящий на троне, считает, что по факту его рождения, только ему.

– А он кто?

– Король земель Грёз. А ты кто?

– Эрра Ликс, – он поклонился, как видел в кино, чтобы представиться даме, и галантно щелкнул воображаемыми шпорами на каблуках.

Красавица улыбнулась, явно понимая, что он ждет от нее ответного представления, ответила.

– Имя несет только опознавательный знак, чтобы ты не перепутал одно с другим. Ты сможешь перепутать меня с кем-то?

– Нет, я знаю, что ты такая одна, Принцесса. Я могу называть тебя так, даже, если ты и не королевской крови, – поклонился и развел руки в стороны Эрра, как это делал бы паж королевы, склонившийся в реверансе, и развернул веером пальцы.

Нить выскользнула из его руки. Вдруг повисла молчаливая и беззвучная пауза. Все звуки исчезли, все краски и очертания предметов начали размываться. Эрра начал погружаться во что-то, как в вату. Очертания зала стали искривляться и поплыли. Всё это происходило в такой пронзительной тишине, что захватило дух, и у Эрры защемило в солнечном сплетении. Так бывает от чувства безвозвратной потери, сидя у постели смертельно больного близкого тебе человека, понимаешь, что конец скоро. Завтра его не будет рядом и надо будет жить без него. И ты бессилен что-либо изменить. Возникло ощущение перемещения в пространстве. Эрра куда-то летел вниз, стремительно удаляясь от девушки.

«Что же это? Я хочу обратно к ней», – думал Эрра.

– Принцесса-а-а Грёз, – кричал он, но не слышал своего голоса.

Он вообще ничего не слышал. От бессилия, что-то изменить он весь напрягся и сжал кулаки. Слабый золотистый отблеск мелькнул перед глазами. Нить. Спасительная мысль вдруг возникла в его голове.

«Нить, – подумал Эрра. – Она должна привести меня к ней».

– Кабатсонэ...

Это скорее было похоже на слабый выдох, он не услышал, а скорее понял. И в эту секунду он уже стоял в эркере перед креслом, на котором сидела она и продолжала вязать.

– Тебя зовут Кабатсонэ? – скорее пропел, чем сказал Эрра, смакуя каждый слог, радостный от того, что снова смотрит на нее и стоит рядом с ней.

– Кабатсонэ, – подтвердила она, не отрываясь от своего занятия и не поднимая головы.

Эрра заметил, что комната стала другой, широкая, светлая, в ней не было мебели, кроме одного стола с одним стулом рядом с эркером и кресла, на котором сидела красавица. Людей и другой обстановки в комнате не было. Они были одни. За окнами эркера был виден прекрасный сад, переходящий в лес. Было светло, но серые краски и тона преобладали во всем, даже в листве, она не была зеленой. Из цветных вещей был только желто-золотистый клубок у ног красавицы и нить в руке Эрры. Он крепко сжимал ее, теперь уж точно боясь упустить свое счастье еще раз. Девушка была так же хороша, но уже по-другому одета и причесана, как будто они переместились в другую временную эпоху.

«Что же это такое происходит? – мелькнуло у Эрры в голове.

– Что это за земля Грëз?

– На земле Грëз всё спит, даже время.

– Почему же я не сплю?

– Вот и мне непонятно. Почему? – улыбнулась Кабатсонэ. – Не сплю здесь только я одна.

– Ну конечно, как же ты можешь спать, ты же занята делом. А что ты вяжешь? – спросил Эрра, радуясь любой возможности разговаривать с ней.

– Паутину снов.

– Ты самый прекрасный в мире паук, которого я видел, – рассмеялся Эрра. – Понятно, что каждый был бы счастлив попасть в твою паутину.

– В мои нити невозможно попасть просто так, – сказала она и опять посмотрела на него с интересом.

Секундная задержка в движении её рук привела к тому, что вокруг все опять слегка заколебалось и зашевелилось. Легкое чувство тревоги коснулось Эрры. Ну да, ему было непонятно, непривычно, незнакомо, и все тут было необычно. Красивая девушка завораживала и притягивала его так, что он уже не думал, что же произойдет в следующий момент, и не просчитывал возможные варианты развития ситуации. Непредсказуемость в привычной жизни сильно взволновала бы Эрру, и он бы сделал все возможное, чтобы вернуться к хорошо прописанным правилам, которые позволяют происходящее объяснить и вернуть в привычное русло. Сейчас у него не было такого инструмента, зато была сплошная необъяснимость и непредсказуемость момента. Эрра слегка забеспокоился.

– Почему?

– Пока я вяжу всё на земле Грëз погружено в паутину сна.

– А когда они просыпаются?

– Никогда.

– Как это? Они же когда-то заснули и когда-нибудь они проснутся?

– Нет, каждый, кто здесь спит, во сне живет реальной жизнью много раз и в разных ипостасях.

– Ты хочешь сказать, здесь все спят для того, чтобы там где-то жить, да еще и не один раз? Я правильно тебя понял? – уточнил Эрра с неподдельным интересом.

– Правильно, можно и не только жить, а еще много чего. Мне непонятно поэтому, кто ты такой неспящий в стране Грёз.

Эрра набрал воздуха в легкие и хотел уже выдать тираду про то, кто он такой, как слова застряли в горле.

– Кто я? – засипел и зашипел Эрра.

Вопрос поплыл мимо Эрры, как будто буквы оторвались от листа, сами сложились в воздухе в эту фразу и поплыли по комнате как легкий дымок, который завернулся в небольшой вихрь и исчез.

Кабатсонэ молчала и продолжала вязать. Эрра понял, что у него нет ответа на этот вопрос.

– Ничего себе вопросик. Я точно, как Сократ, знаю, что ничего не знаю, – сказал Эрра удивленным голосом. – Ведь так просто ответить, что я мужчина, но это явно ни при чем. Я не Эрра Ликс, имя можно поменять, например, на Джерри Бест. Я знаю, ты ждешь от меня другой ответ.

Кабатсонэ усмехнулась, но не посмотрела на Эрра и продолжала вязать. Эрра закрыл глаза от бессилия найти ответ снаружи, может быть, он придет изнутри. Ничего не пришло на ум.

Зато когда Эрра открыл глаза, то увидел, что Кабатсонэ в золотом сильно облегающем бальном платье с большим декольте и разрезом вдоль ноги почти до верха бедра сидит рядом с оркестром в танцевальном зале. Зал был весь в зеркалах: они были на стенах, на потолке и на полу. Вокруг были люди, одни замерли в танцевальных позах, другие – в оркестре с инструментами в руках.

– У тебя пропали все мысли, – то ли спросила, то ли подтвердила Кабатсонэ.

– Легко ответить на вопрос «Кто я?». Если говорить через профессию, то этот скрипач, этот дирижер, если через связи, то вот эти дамы – мама и дочь, – Эрра замолчал на секунду и продолжил. – Сегодня ты – жених, а завтра – муж, но я понимаю, что речь идет о чем-то ином, о сокровенном. О той сути, что, собственно, и делает тебя таким, а не другим.

– Суть тоже должна иметь признаки. У нас с тобой есть один совпадающий признак: мы оба не спим там, где всё спит.

– Легко сказать, что я – это точно не ты, но ответить на вопрос «Кто я?» – сложно. Это то же самое, как найти истинное лицо, вернее, как найти порядок в море человеческого хаоса масок и ролей. Как же отказаться от ценностей, заслуг и привилегий, от своего тщеславия и славы, что я такой-то и такой-то? Ради чего тогда жить? Ведь все стремятся выделиться и стать кем-то великим, чтобы увековечить себя в памяти людей.

– Твой талант, твой статус и твои регалии по сути не твои достижения. Это как очередной кусочек глины для очередного кирпичика в постройке тюремной стены, окружающей твою душу.

– Ага, значит, я – это моя душа. Ну, она-то у меня точно одна, – воскликнул Эрра. – Может быть я – это Душа?

– Душа без тела разве способна жить в мире людей сама по себе? – спросила Кабатсонэ, вставая с пуфика. – Ты готов расстаться с телом и жить бестелесной субстанцией? Навсегда потерять возможность потанцевать со мной и делать кое-что еще? Ты готов от этого отказаться?

Кабатсонэ, не прекращая вязать, встала, поставив одну ногу вперед в разрез платья. Восхитительный вид ее фигуры притянул взгляд Эрры так, что говорить он был уже не в силах.

– Не-а-а-а, – протянул Эрра, не отрывая глаз от ее тела, и выдавил из себя слова. – Может быть, когда-нибудь потом, но точно не сейчас.

Кабатсонэ села, продолжая вязать.

– Ты не можешь ответить потому, что, ослепленный своими успехами, погребенный под неудачами жизненных обстоятельств, ты разбил зеркало истины, через которое мог бы увидеть видеть себя в свете своего сокровенного я.

– А ты видела себя в зеркале истины?

– Да, я такая же, какую ты видишь перед собой. Я уже не могу быть другой. Это необратимо. Пути назад нет и у тебя, похоже, тоже его нет, – сказала Кабатсонэ, глядя под ноги Эрры.

Эрра оглянулся и посмотрел под ноги. Удивительно, он стоял на абсолютно ровной круглой дощатой площадке посередине площади. Вокруг были дома, но не рядом. Площадь была заполнена людьми, они стояли, поднимая голову. Все смотрели на эту круглую площадку, люди в окнах и на балконах домов тоже смотрели. Смотрели и спали.

– Господи, да это же плаха! – воскликнул Эрра.

Кабатсонэ сидела рядом с ним на том самом месте, где рубили головы. Эрра уже начал привыкать к смене картин, но это место шокировало его. Его красавица была замотана в шелковый плащ с капюшоном черного цвета так, что видны были только губы и кусочек подбородка, и всё. Из-под плаща были видны руки со спицами, она продолжала вязать. Стало как-то жутковато.

– Что же будет, если я найду ответ про себя? – спросил Эрра, когда наконец-то перестал оглядываться, пытаясь понять, грозит ли ему что-то. – Я смогу стать таким как ты?

– Лучше спроси, что будет, если не найдешь, – усмехнулась Кабатсонэ. – Когда ты будешь способен увидеть себя в зеркале истины, ты будешь способен видеть и другого, по своей сути прекрасным, даже если он скрыт под покровом своих одежд. Тогда ты увидишь, как прекрасны узоры души в телах твоих друзей и в телах твоих врагов.

– Ага, даже если у врага в руках топор, а моя голова на плахе.

– Когда голова на плахе и топор занесен над головой, тогда в твоей душе не останется места для этикеток твоего «Я незнаю кто», – Кабатсонэ продолжала говорить, не реагируя на его реплику. – Когда в душе будет место только для любви и прощения, тогда ты будешь таким как я. Я знаю еще кое что – ты можешь этого достичь и без топора.

– Почему?

– Если хоть один человек смог этого достичь через жизнь, значит, любой другой сможет это повторить уже сознательно, – усмехнулась Кабатсонэ. – Иначе человечество давно бы погибло под топорами, откинув свои головы в корзину, как кочаны капусты. Вот только захочешь ли?

– Я хочу уйти и забрать тебя с собой в свою жизнь, – выдохнул Эрра и протянул руки, чтобы дотронуться до нее.

Кабатсонэ подняла на него глаза из темноты плаща, встала и перестала вязать. Всё вокруг зашевелилось и закрутилось. Люди зашумели, стражники около плахи схватились за оружие, люди замахали руками и начали кричать. Кто-то схватил Эрру за руки, от неожиданности он упал на колени.

«Нить, главное, не отпускать нить», – подумал Эрра и погрузился в темноту. У него возникло ощущение, что его подхватили и куда-то несут, крепко держа за запястье рук и щиколотки ног. Эрра не пытался вырваться, но его все теснее сжимали. Вдруг звуки пропали, но темнота вокруг усилилась.

Эрра пытался что-то разглядеть, и постепенно стал появляться слабый свет и стали проступать очертания предметов. Он обнаружил себя прикованным к стене за руки и ноги цепями в каземате. С одной стороны за решеткой в каменном полу лежал на полу Эрра, а с другой – стояла Кабатсонэ и... не вязала. Она стояла и смотрела на него. Эрра вскочил и рванулся к девушке, но цепи его отпустили от стены только до середины камеры.

– Сама по себе бессмертная душа могла бы и не приходить, и не жить через тело, могла бы оставаться бесконечно долго в других мирах, в черных казематах тьмы и туннелях света. Она

тут, потому что ей есть что делать. Душе не зачем просто так болтаться в теле, которое будет питаться и плодиться. Твоя сокровенная суть живет, чтобы исполнить то предназначение, о котором знает только твоя душа.

– А я могу узнать?

– Если ты узнаешь, кто ты, то поймешь и свое предназначение, которое может быть связано и с воспоминаниями из прошлых жизней, и с нынешней жизнью. У каждого свои испытания и свой путь.

– Путь привел меня к тебе в этот каземат с цепями, в эту тьму.

– Тьмы без света не бывает, они суть одно и то же. Они едины. Есть силы, от которых зависит человеческая жизнь от самого рождения. Это похоже на сети судьбы, поэтому есть в жизни человека некие ситуации, в которые он обязательно попадет. Это так и не так.

– Ты хочешь сказать, что я могу сам менять свою судьбу?

– Тебе было уготовано потерять свободу и прочувствовать, каково это сидеть на цепях в клетке своих ограничений. Это может быть явью или сном, а может быть ролью пленника на сцене. Все зависит только от тебя. Жизнь человека ничто в единой жизни Вселенной, но без нее не было бы и Вселенной. Ты часть и целое в части. Часть тебя – это как вся Вселенная, можно сказать, как часть в едином божественном или высшем проявлении. Это проявление может всё сотворить и сохранить, изменить и стереть в одно мгновение.

– Я – часть высшего. Я – творец, но меня не пускает к тебе простая цепь и решетка, – пробурчал Эрра.

– Смысл в том, что ты часть единой всепроникающей энергии жизни, которая сама также подвержена изменению, как и все живое. Жизнь течет, как волна со своими гребнями и впадинами. Изменяя течение энергии жизни как во внешнем окружении, так и во внутреннем течении, человек может менять свою судьбу. Ты должен принимать себя как данность в неизменном и как способность в изменяемом.

Кабатсонэ замолчала, легко прошла через каменную стену коридора противоположную решетке, как будто ее и не было, и исчезла. Эрра не знал, что делать, и начал метался по камере, насколько ему позволяла цепь. Паника и отчаяние охватывали его все больше и больше. Он пытался хоть что-то сделать, чтобы всё вокруг него изменилось, но ничего не происходило. В бессилии он начал раскачиваться вперед и назад, вправо и влево на цепях с закрытыми глазами. Раскачавшись, Эрра упал в бессилии, повис на цепях и открыл глаза.

Он лежал на диване в своей квартире в неудобной позе, за окном был привычный вид. Утреннее солнце уже светило сквозь занавески.

Сон второй

«Царство безмолвия»

Жизнь Эрры уже несколько месяцев была наполнена смыслом. Он искал ответ на вопрос «Кто я?» Искал в Интернете, книгах, искал в философских теориях. Голова пухла от признаков, типов классификаций, от гороскопов, их оказалось так много и они так сильно различались, что иногда ему начинало казаться, что он никогда не разберется с этим вопросом. Некоторые признаки невозможно было сравнивать между собой из-за различий как в понятиях, так и по сути самого вопроса: «Что из себя представляет человек?» Не ответив на этот вопрос, невозможно было перейти к следующему: «Кто я такой?»

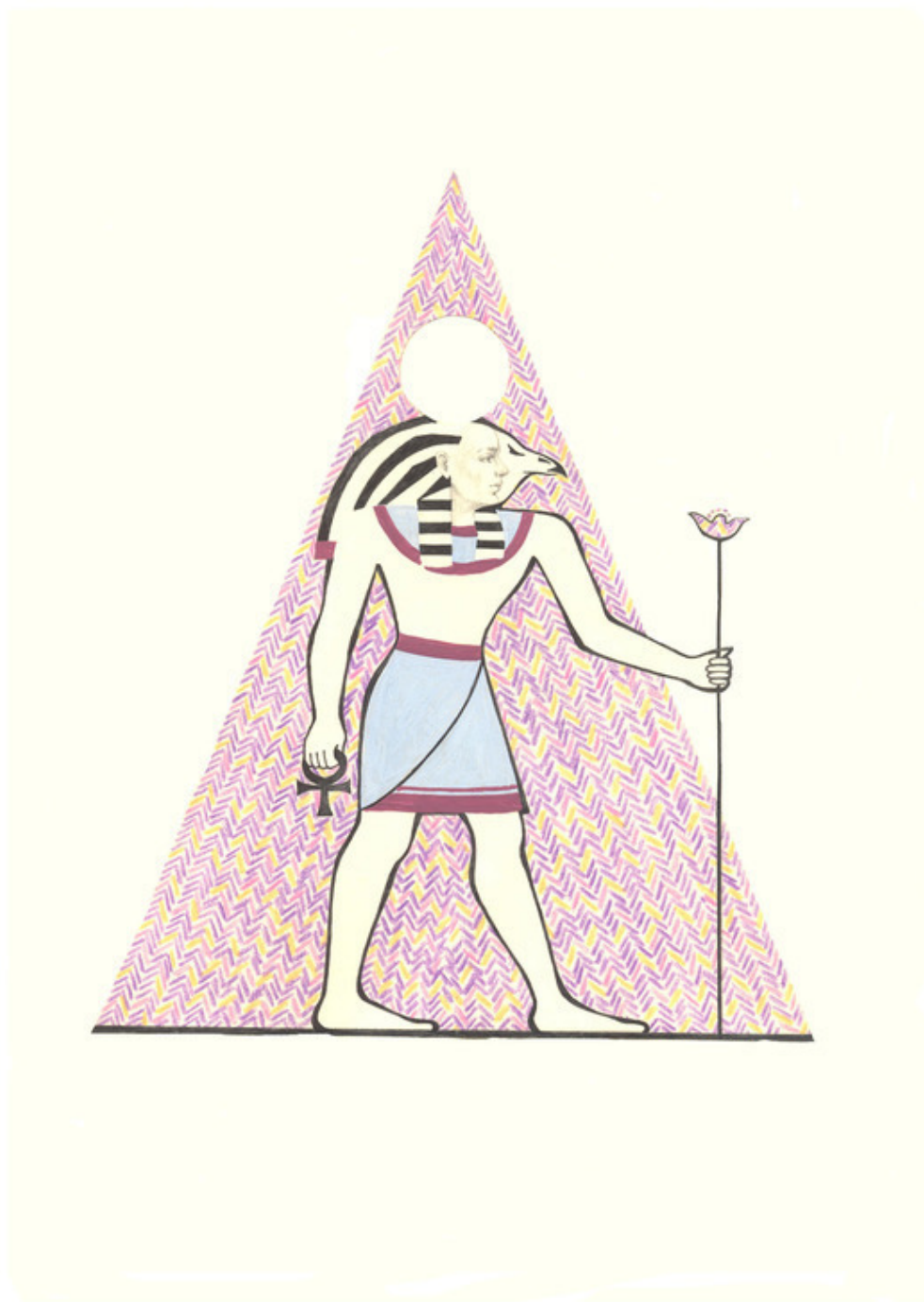
Эрра всматривался в лицо каждой проходящей девушки, мечтая найти приснившуюся ему красавицу. Он засыпал каждый день с надеждой снова попасть туда, где он побывал уже один раз, и снова увидеть ее. Возможно, как только он найдет ответ, то сможет вернуться в свой сон. В голове кусками плавали обрывки текстов: идеи, слова, мысли, картинки. Ну, должен же быть какой-то коренной признак, который никогда не изменяется от рождения, без которого и самого человека нельзя уже себе представить. Нечто фундаментальное и неотъемлемое от меня, то, что есть уже в человеке от рождения, и то, что невозможно было потерять, пока это я росло и становилось тем самым Эррой, тем человеком, которого знают и любят в семье, той личностью, с которой дружат и общаются другие ей подобные люди.

Даже обрастая новыми и сложными манерами поведения, кодексами и нормами, исполняя все новые и новые роли, эта личность по сути остается тем сокровенным я, которое отличает её от других подобных людей с одинаковым воспитанием и вероисповеданием. Как же найти этот ключ к единству, к порядку в море человеческого разнообразия и уникальности? И как воспользоваться этим ключом, чтобы открыть дверь в замок Грез? С такими мыслями Эрра засыпал в этот вечер.

Перед глазами была скала, потом груда камней и песка, но он прошел через нее и только потом заметил, что там был лаз, но снаружи заваленный так, что его никто бы не нашел. Эрра ступал осторожно и медленно по темному туннелю. Это был коридор ровный по ширине и высоте, с красивыми ярко расписанными стенами, который привел Эрру в квадратный широкий подземный зал. Капители колонн этого святилища были украшены позолоченными ликами богини, устремлёнными на запад и восток, на стенах была роспись богини, пьющей божественное молоко из вымени священной коровы.

«Это же египетские иероглифы и картуши», – догадался Эрра.

В середине зала стоял деревянный саркофаг с расписной погребальной маской. Вокруг него было много больших керамических сосудов, запечатанных с тиснеными пломбами, золоченой мебели, ящиков с украшениями и благовониями, рулоны золотой ткани и папирусов. На саркофаге была маска с лицом божественно красивой женщины. Эрра невольно ею залюбовался. Вокруг стояла такая звенящая тишина, что его дыхание слышалось как паровозный шум.

«Здесь мне точно никто не ответит на мой вопрос», – подумал Эрра и принялся рассматривать росписи стен. Вот Ра, бог солнца, изображен человеком с соколиной головой и солнечным диском над ней. Вот бог Ра соединяется с женщиной, далее изображена подготовка принятия сотворенного, а затем сами роды. С тем же лицом, которой было нарисовано на фреске и было на саркофаге, красивая женщина, пьет молоко священной коровы из рук Исиды, богини-матери, изображенной женщиной с рогами коровы и солнечным диском на лбу, что подтверждает ее божественное происхождение. Фараон в Египте, как известно, был намест-

ником бога в человеческой плоти, а одним из самых почитаемых божественных животных был телец.

«Бойся согрешить против бога и не спрашивай о его образе», – крутилось в голове Эрра.

Она была царицей и фараоном. В длинном ряду фараонов, более четырех тысяч лет правивших Египтом были женщины, которые управляли самолично без поддержки мужа. Первой из них была она, великая царица, которая правила Египтом более двадцати лет и оставила после себя памятники, стоящие и по сей день. Великая правительница, имя которой исчезло: его нет в официальных списках фараонов на плитах и стелах, нет на папирусах, нет в памяти людской. Фараоны изгнали эту женщину из хронологических летописей. Относящиеся к ее царствованию надписи, стерты, а история переписана. Даже картуши с ее именем были сбиты со всех обелисков. Душа ушла из тела в царство теней и унесла с собой имя. Имя царицы оказалось также бrenно, как и ее тело, превратившееся в мумию.

«Человек не есть его имя. Имя можно стереть, – подтвердил сам себе еще раз Эрра. – Но что же мне даст ответ на вопрос „Кто я?“ в этом царстве теней и безмолвия. Тут только одно мертвое тело, вернее, одна мумия».

Эрра посмотрел на саркофаг. Он стоял такой яркий, совершенный и красивый по форме, как протест против смерти, как надежда на новую жизнь. Если природа обновляется каждый год и даже после засухи Нил разливается снова, то победить и смерть. Душа может вернуться к человеку, если сохраним его тело, и человек воскреснет для жизни в потустороннем мире. Фараоны, как божественные существа и властители, придумали сохранять свои тела в гробницах, этакий «дом вечности», в котором будет покоиться тело, пока душа не вернется в него опять. И жизнь восторжествует снова.

«Получается, что смерть ужасна для тех, кого не ждет достойное погребение, позволяющее душе вновь соединиться с телом. Ужасна, если тебя завернуть в холстинку и просто закопают без мумификации, без ритуальных обрядов?» – задумался Эрра.

Эрра огляделся. Здесь всё было красиво и не было мрачным или пугающим, как в склепе. В погребальном зале: и в его архитектуре, и в росписях, и в изваяниях, и во всех предметах роскоши, которыми наполнялась жизнь умершего до смерти и после, должна была отражаться красота мира фараона до и после смерти в царстве теней.

Красота солнца на голубом небе, красота огромной реки, дающей прохладу и изобилие земных плодов, красота яркой зелени пальмовых рощ среди безбрежных желтых песков. Чистые и яркие краски природы без полутонов и смешений несли жизнь даже в эту погребальную камеру. Эта красота жизни оставалась с человеком вечно, чтобы он наслаждался ею.

«Почему же так нужно было сохранить само тело? – задал еще раз себе вопрос Эрра. – Такая титаническая работа миллионов людей, столько жертв и затрат для страны для того, чтобы создать место для хранения тела, именно этого тела?»

Жрецы, хранители знаний у египтян, заставили строить величайшие пирамиды с одной целью: не для самого фараона и его челяди, а для его праха, чтобы душе, вернувшись из царства теней, было удобнее воссоединиться с его телом. В сухом климате страны это достаточно легко было сделать. В Египте родилась целая наука по бальзамированию тел, создались сложные приемы общей мумификации трупа, и действительно, за тысячелетия тело не превращалось в прах, не рассыпалось на куски. Некоторые найденные мумии очень хорошо сохранились, даже с кожей и волосами.

«Зачем такое трепетное отношение к телу? – вертелось в голове Эрры. – Может быть ДНК? Мы теперь научились определять тот самый код, по которому, имея в образце даже кусочек косточки, можно определить человека, можно ответить кто кому родственник, кто кому мама с папой. Тело уникально, его уже не перепутать с другим телом, если знать его уникальный код, его ДНК. Тело будет существовать, даже если жизнь покинет его. Тело без меня. Я без тела.»

Рассуждая так, Эрра, повернулся и увидел огромный чан с водой. Он наклонился и отразился в нем. Там, в воде, он был одет в египетскую одежду и стоял в позе как статуя неподвижно, но чего-то в нем не было.

«Чего не хватает?» – мучительно соображал Эрра.

Чем дольше Эрра всматривался в свое отражение, вернее в тело, стоящее там, тем яснее проявлялся легкий дымок, тоненькой серебряной струйкой тянувшийся от него до отражения через воду. У Эрры возникло ощущение, что статуя начала оживать, по мере того, как серебряная струйка все ярче проявлялась.

Жизненная энергия, по-египетски ее называли «ка», вливалась в двойника в воде, который был отражением не только тела, но иместилищем для жизненной силы, местом хранения души. Только у двойника на месте, где должны были быть глаза, что смотрели бы на Эрру, были дощечки с изображением. Поразительная красота этих нарисованных серо-голубых глаз была какой-то мистической и притягивающей, что отвести взгляд от своего отражения Эрра уже не мог. Серебряная струйка превратилась в заметный воздушный столбик, соединяющий их через воду в чане.

В голове появилась чья-то фраза: «Все на земле боится времени, но время боится пирамид». В этот же момент отражение в воде пошевелилось. От этого движения дощечки с глаз упали, и Эрру через серебряный столбик втянуло в две черные бездонные глазницы.

Эрра замер, ему казалось, что он задохнулся и перестал дышать. Секунды превратились в года.

В следующее мгновение он смотрел из чана в погребальный зал и видел, как его тело бездыханным упало на каменный пол... Он смотрел на себя со стороны, с другой стороны, с той... из-под воды. Он был без своего тела, которое лежало в зале рядом с саркофагом без него, более того, он был привязан к чужому телу непонятно как и зачем.

Он был ничто... Он был проявлением пустоты и нирваны. Эрра, или вернее то, что когда-то им было, ощутил состояние полного знания и всевозможности, которое было полным и захватывающее единым. Он был чистый дух, энергетический сгусток. Никакой экстаз не мог сравниться с этим состоянием, словами человеческой речи это ощущение было очень трудно описать.

Сгусток взвился и улетел в просторы бездонного космоса, промчался среди звезд, поговорил со всеми и обо всем. Он всё знал и был всем. Нарезвившийся в звездных потоках и очумевший от всевозможности, он стремительно прорвался среди пространств и времен и, сделав круг, влетел в тело, ожившее в отражении воды.

Молодой мужчина открыл глаза и поднялся со своей циновки, огляделся, сделал шаг в сторону и оказался на рыночной площади. Восточный базар шумел и блистал яркими красками. Только для бестелесного Эрры, все звуки были одним ровным сигналом, типа пи-пи-пи. Красок были стерты, один беловато-серый фон, чуть серее и чуть белее по линиям раздела. Мужчина с большим удовольствием торговался с продавцом фиников, а Эрра ничего не слышал, но знал, что сейчас он отойдет от торговца с покупкой. Так и произошло, мужчина шел по узкой пыльной улочке и ел их, а Эрра понимал, что финик распадается под зубами, расщепляется слюной, падает питательной смесью через пищевод в желудок и ... Где вкус? Где наслаждение от сладкой золотистой мякоти финика? Фу, после извлечения минимальной порции энергии, что была несравнима с его энергетической мощностью, отходы будут выведены. И был ли смысл торговаться и тратиться на такой пустяк, как переваривание финика и выведения отходов?

Потемнело. Мужчина спрятался около высокой стены и стал ждать. Когда темнота легла на улицы, он полез по стене, цепляясь за незаметные выступы и выбоинки, и скоро оказался с другой стороны. Затаив дыхание, он пробирался по коридорам дворца, прячась от посторон-

них глаз, пока не оказался у потайной двери в стене за ковром. Проскользнув через нее, он спрятался в углу за тканями и замер.

Всеведущий Эрра уже знал, что произойдет дальше и зачем они здесь. Он ничего не ощущал, он просто знал и предпринял слабую попытку увести мужчину отсюда. Эрра закрутился в маленький вихрь в солнечном сплетении у мужчины. Мужчина начал ерзать и волноваться.

«Уходи!!!», – кричал Эрра. Но так как звуков не было, то мужчина не слышал и не отвечал, он лишь слегка волновался.

Как ему сказать, что ему лучше отсюда уйти? Эрра не был телом, которое может сказать так, чтобы быть услышанным. Эрра был никем и был ничто.

«Вот идиот, что ты тут разлегся, беги», – Эрра подавал сигналы, как только мог. Мужчина постепенно стал думать, что, может, не стоило приходить сегодня, как-то ему не по себе. Он уже ерзал и вздыхал, но упорно гнал от себя мысль, что лучше уйти отсюда, что это к добру не приведет.

В этот момент двери открылись, и в покои вошла красивая молодая египтянка, за ней вошла свита из таких же красивых девушек. Они стали раздевать, ухаживать за красавицей и готовить ее ко сну. Мужчина весь напрягся, у него пульсировала кровь. Легкое состояние возбуждения от увиденного вскружило голову, все мысли об уходе пропали. Наконец-то всё было готово, свита удалилась. Египтянка подняла голову с подушки и что-то произнесла. Мужчина подошел к ней, и они обнялись.

Эрра не слышал произносимых слов, но он знал всю историю этой потаенной любви, знал, как она началась между дочерью верховного жреца и сборщиком податей, и знал, чем она закончится. Эрра знал, как увеличиваются эти оба тела, когда они держат друг друга за руки и смотрят друг на друга, когда же они сливаются, то образуется такая взрывная волна от их общей энергии, неуправляемая и мощная, что разум людей отключается. Живут только их тела, и увеличиваются их энергии.

Двери распахнулись, в комнату ворвались мужчины с оружием. Молодой мужчина рванулся от любимой к спасительной двери. Около стены стоял огромный латунный диск на деревянных ногах в форме цапли, заменяющий зеркало, в котором Эрра увидел, как в тело мужчины влетает копьё, как оно падает, как фонтаном бьет кровь.

Эрра на кончике копья вылетел из тела мужчины серебристой воздушной струйкой и, пролетая через латунный диск, смог услышать грохот.

В комнате все предметы были на своих местах. Грохот был за окном, где урчал мусоровоз, переворачивающий бачки.

Можно было вставать и собираться на работу.

Сон третий «Гора Мэру»

Эрра ликовал и наслаждался после своего бестелесного опыта, он как будто заново родился и ощутил, что вся реальность мира вокруг и внутри самого человека происходит только через его ощущения и неразрывно связана с его физическим телом.

Человек есть тело и жизнь, вернее, живое тело. Человек способен жить только потому, что наше физическое тело остается живым. Природа ли, Творец ли, сами ли мы родили себя такими, какие мы есть, но тело формируется в узоре, который достается нам в наследство. Это та самая память всех предыдущих поколений, от которой даже если бы ты очень сильно захотел избавиться, так просто не получится.

Мало того, он теперь осознал, какое это удовольствие управлять своим телом, есть и чувствовать вкус и запах, слышать и издавать звуки, смотреть и видеть краски дня и ночи, думать и понимать свои мысли. Чувствовать может только тело, человек через него способен испытывать различные оттенки чувств. Например, взять влюбленность: она и светлая, она и романтическая, она и сексуальная. Это было такое удовольствие – ощущать.

Эрра размышлял, сидя в баре после работы, и загляделся на девушку. Они познакомились, и вот уже который месяц прекрасно проводили время вместе: целовались в кино, ходили на скачки и пить эль в паб с друзьями.

Жизнь прекрасна, когда ты можешь ее ощущать в запахах, цветах и звуках. Прекрасна, когда стучаются друг об дружку кружки в пабе, когда втыкаются летящие дротики в дартс под шум и свист одобрения друзей.

Эрра погрузился во все доступные удовольствия: и покурить, и попить, и полюбить, и испытать драйв от скорости. Эх, прокачусь! Полет на вертолете к вершине, прыжок, и вот уже сноуборд летит по нетронутomu снегу. Восторг, экстаз, адреналин, победа над своими страхами, ловкость тела, острые ощущения, как капелька росы утром на листке, такая новая и свежая на сегодня.

Они катались с друзьями каждый день уже неделю, утром гора, днем гора, вечером паб, ночные гулянья и утром опять гора. Недельный отпуск завтра заканчивался, пора было возвращаться домой.

Эрра, вытянувшись на кровати, ощущал, как побаливают натруженные в катании с горы мышцы. Приятная истома погрузила его тело в сон.

Он летел на доске по снежной горе, сверху над его головой развевался парашют. Необыкновенное чувство легкости и невесомости тела присутствовало в этом полете. Эрра оторвался от склона и полетел, он летел сам по себе в горном ущелье. Доска и парашют пропали.

Эрра, управляя своим телом, летел на ровном бреющем полете над ровной поверхностью снега, как в одно мгновение провалился в трещину. Продолжая всё так же лететь, Эрра лавировал между выступами скал и скоро вылетел в долину. Она была по-настоящему солнечной и зеленой. Глаз радовало все: горы со снежными шапками вокруг долины, приятная зелень, солнечные блики на окошках домиков, похожих на пряничные, чистые ухоженные коровки на лугу жевали эдельвейсы вместе с травой горного луга.

«Как с картинки, нарисованной в номере отеля», – подумал Эрра и опустился на поверхность.

Вблизи всё вокруг было еще ярче и сверкающе, искрилось всеми цветами радуги, а вот и сама радуга висит над фруктовыми деревьями.

«Слишком красиво и приторно. Люди тут точно жить не могут, наверное, так выглядит райское местечко», – подумал Эрра.

В этот момент маленькая солнечная точка заплясала у него перед носом. Сначала Эрра подумал, что ему показалась, но она настойчиво выписывала кренделя, явно привлекая к себе

внимание. Эрра махнул рукой, делая движение то ли поймать ее, то ли проверить, есть ли она вообще тут. Солнечная точка взметнулась вверх, но сразу опять закружилась перед его лицом, то приближаясь, то удаляясь от него. И они пошли вместе. Ноги Эрры утопали в мягком травяном ковре, вокруг изумительно пахло, шорох листьев и пение птиц звучали как необыкновенная музыка. Он шел за точечкой и наслаждался своим легким телом и всем происходящим вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.